

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

В.М. Ефимов

д.э.н., независимый исследователь, Франция

ТРИ ВИДЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПОРЯДКОВ, СЛОЖИВШИХСЯ НА ЗАПАДЕ И В РОССИИ (ответ С.Г. Кирдиной-Чэндлер)

Аннотация. Данная статья является ответом на помещенные в прошлом номере журнала размышления С.Г. Кирдиной-Чэндлер над моей статьей «О двух типах социальных порядков», опубликованной в трех последовательных номерах журнала. К сожалению, размышления эти не касаются изложенного в моей статье видения современных социальных порядков на Западе и в России, а посвящены исключительно критике используемой мной методологии. Несмотря на то, что текст второй части моей статьи начинается с методологического введения, в котором кратко характеризуется методология исходного институционализма Джона Коммонса и дается ссылка на мою книгу, где эта методология подробно изложена, этого оказалось недостаточно для ее понимания и, по-видимому, понимания самой моей статьи. Методология Дж. Коммонса основана на прагматистской философии, которая большинству российских обществоведов неизвестна, и возможно частично именно с этим и связано ее неприятие. В первом разделе анализируются книга и статьи С.Г. Кирдиной-Чэндлер на предмет критики описываемой и используемой в них методологии, а также ее видения социального порядка в России. Второй раздел статьи представляет собой комментарии на критику С.Г. Кирдиной-Чэндлер моей статьи. В третьем разделе статьи характеризуется идеологическая направленность X-Y-теории С.Г. Кирдиной-Чэндлер.

Ключевые слова: *видения социальных порядков и институционалистская методология Дж. Коммонса, монетарный социальный порядок, патрональный социальный порядок, X-Y-теория, современная Россия и идеологии.*

JEL: B40, B52, E0, P0.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10103

Я очень благодарен Светлане Георгиевне Кирдиной-Чэндлер за ее критику [Кирдина-Чэндлер, 2019а] моей статьи [Ефимов, 2018а, 2018b, 2019]. Это – первая открытая, публичная критика моих работ, использующих или излагающих институционалистскую методологию Дж. Коммонса. До этого в течение более чем двадцати лет реакция экономистов и не только экономистов на эти мои работы была полным молчанием по их поводу. Я давно заметил, что тексты, подготовленные на базе методологии, идущей от институциональной экономики Дж. Коммонса [Commons, 1990], не воспринимаются и не понимаются большинством академических работников, будь то экономисты, социологи или политологи. Это происходит потому, что современные социальные дисциплины пронизаны картезианством [Mini, 1994], а институционализм Дж. Коммонса основан на прагматистской философии [Bush, 1993; Майровски, 2013а, 2013b], которая возникла как альтернатива картезианству [Ефимов, 2007; 2016а]. Эмпирические исследования школы Дж. Коммонса отталкивались от нее [Резерфорд, 2012а, 2012b]. Так как картезианство воспринимается как норма и даже как стандарт, то все, что не соответствует этому стандарту, отторгается. Прагматистская философия Дж. Дьюи, на которую я опираюсь в своих исследованиях, была охарактеризована мной в статье «Прошлое и будущее экономической науки с точки зрения прагматистской философии» [Ефимов, 2016b].

1. О методологии С.Г. Кирдиной-Чэндлер и ее видении социального порядка в России

Методология С.Г. Кирдиной-Чэндлер созвучна с мнением Карла Маркса, что «при анализе экономических форм невозможно пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами: то и другое должна заменить сила абстракции». Несмотря на многочисленные разногласия, существующие между сторонниками мейнстрима и гетеродоксами, представители обеих сторон свято верят в одну и ту же догму: «Теория есть способ восприятия «фактов», и мы не можем воспринять «факты» без теории» [Фридмен¹, 1994. С. 44]. В соответствии с этой догмой без теорий, которые призваны создавать и совершенствовать теории, никакое эмпирическое исследование вообще невозможно. Все это в полной мере относится к работам С.Г. Кирдиной-Чэндлер. Дж. Дьюи же считал, что человечество больше всего нуждается в способности суждений на основании фактов. «Мы нуждаемся, – писал он, – развить способность (и склонность) искать специфические (particular) виды решений с помощью особых (particular) методов для конкретных (particular) проблем, возникающих в отдельных (particular) случаях» [Dewey, 1973. P. 53]. Такой подход позволяет избежать как крайнего радикализма, так и крайнего консерватизма, общей слабостью которых, по мнению Дьюи, является «их зависимость от огульных обобщений». Радикализм придерживается точки зрения, что все существующие институты – зло и от них нужно отказаться, а консерватизм считает, что все институты в основном разумны, если только мы «откроем и будем придерживаться их изначального смысла». И тому и другому, считал он «не удастся сфокусироваться на конкретных проблемах, возникающих из опыта, что позволяет захоронить эти проблемы под огульными обобщениями»² [Ibid.].

Особенности социального порядка России ложно выводятся С.Г. Кирдиной-Чэндлер из ее природно-климатических условий: «Неблагоприятный климат в тех местах, где расселились славянские племена, образовавшие затем древнерусское государство, обусловил применение специфических технологий обработки земли. Короткие сроки проведения полевых работ и особенности применявшейся подсеčno-огневой системы земледелия требовали концентрации коллективных усилий попеременно на разных этапах земледельческих работ. Поэтому возделывали землю, как правило, несколькими семьями или всем селением» [Кирдина, 2014. С. 270]. Факты же, вскрытые В.Р. Ключевским, никак не согласуются с этой гипотезой Кирдиной-Чэндлер: «На севере поселенец посреди лесов и болот с трудом отыскивал сухое место, на котором можно было бы с некоторою безопасностью и удобством поставить ногу, выстроить избу. Такие сухие места, открытые пригорки, являлись редкими островками среди моря лесов и болот. На таком островке можно было поставить один, два, много три крестьянских двора. Вот почему деревня в один или два крестьянских двора является господствующей формой расселения в северной России чуть не до конца XVII в.»; «Жизнь удаленными друг от друга, уединенными деревнями при недостатке общения, естественно, не могла приучать великоросса действовать большими союзами, дружными массами. Великоросс работал не на открытом поле, на глазах у всех, подобно обитателю южной Руси: он боролся с природой в одиночку, в глуши леса с топором в руке. То была молчаливая черная работа над внешней природой, над лесом или диким полем, а не над собой и обществом, не над своими чувствами и отношениями к людям. Потому великоросс лучше работает один, когда на него никто не смотрит, и с трудом привыкает

¹ Ссылка сделана на источник 1994 г., когда конвенции по поводу написания фамилии *Friedman*, которая сейчас транслитерируется как Фридман, еще не было.

² Такое захоронение сейчас можно наблюдать в России, когда одна, большая часть оппозиционно настроенного населения, в поиске решения существующих острых проблем, обращается к марксизму и даже к сталинизму (см. мою статью посвященную сталинизму [Ефимов, 2020]), а другая, меньшая часть оппозиционно настроенного населения, к либертарианству в форме идей австрийской экономической школы.

к дружному действию общими силами» [Ключевский, 1987. С. 311, 315]. Знаменитая русская сельская община служила не для совместной обработки земли, а для совместной выплаты налогов при наличии круговой поруки и была, как утверждают многие исследователи, не исконным древним русским институтом, а появилась с возникновением Московской Руси для помещичьего и государственного удобства управлением крестьянством.

С.Г. Кирдина-Чэндлер характеризует «специфическую условно-верховную собственность и централизованное политическое управление» как необходимые условия «выживания русского общества»: «С самого начала российской государственности (выделено мною. – В.Е.) можно видеть, что основные условия производства, обеспечивающие *выживание русского общества* (выделено мною. В.Е.), были по своей сути коммунальными. Это значит, что они требовали коллективных усилий и общих правил для своего использования, что и обусловило становление и развитие институциональной системы, основанной на специфической условно-верховной собственности и централизованном политическом управлении...»; «Институт верховной условной собственности характеризует закрепление благ в редистрибутивных X-экономиках. В свою очередь, движение благ подчиняется действию института редистрибуции, который альтернативен институту обмена в модели Y-экономик...» [Кирдина, 2014. С. 273, 110]. Эта гипотеза С.Г. Кирдиной-Чэндлер о «специфической условно-верховной собственности и централизованного политического управления» как необходимых условий «выживания русского общества», находится в полном противоречии с фактами, изложенными В.О. Ключевским: «Государство понимали не как союз народный, управляемый верховной властью, а как государево хозяйство, в состав которого входили со значением хозяйственных статей и классы населения, обитавшего на территории государевой вотчины. Потому народное благо, цель государства, подчинялось династическому интересу хозяина земли, и самый закон носил характер хозяйственного распоряжения, исходившего из москворецкой кремлевской усадьбы и устанавливавшего порядок деятельности подчиненного, преимущественно областного управления, а всего чаще – порядок отбывания разных государственных повинностей обывателями». [Ключевский, 1988. С. 16]. Никакой редистрибуции, связанной со «стремлением экономических агентов к минимизации транзакционных издержек» [Кирдина, 2014. С. 111], тем более необходимой для выживания народа, в рамках этого социального порядка не происходило. Хотя при Сталине «редистрибуция» имела место в широких масштабах, но только она никак не была связана со «стремлением экономических агентов к минимизации транзакционных издержек». В.Ю. Катасонов, который посвятил экономике Сталина целую книгу, правильно пишет в ней следующее: «Как практик он (Сталин) чувствовал себя хозяином громадного государства, которое еще недавно называлось «Российская Империя», а теперь стало называться «СССР»» [Катасонов, 2014. С. 10]. Известно, что все в ближайшем окружении Сталина за глаза называли его «хозяином». Этот и предыдущий абзац показывают, как методология С.Г. Кирдиной-Чэндлер, традиционная для экономистов со времен А. Смита, четко сформулированная Дж.С. Миллем [Милль, 2012], отталкивающаяся от гипотез-предпосылок, а не от фактов, вводит в заблуждения.

Экономическая и социологическая³ дисциплины являются институтами, поэтому к ним в полной мере применим институционалистский подход, основанный на прагматической философии, рассматривающий *институты как совокупности опривыченных правил*. В работах С.Г. Кирдиной-Чэндлер легко просматриваются привычки советского обществоведа. Это и благословенный Марксом абстрактный характер общественных наук и поиск скрытых от наблюдения сущностей, законов и структур. Автор X-Y-теории прямо указывает на это: «Теория институциональных матриц продолжает традиции материалистической диалектики в познании общества, точнее, исторического материализма. Одной

³ С.Г. Кирдина-Чэндлер является доктором социологических наук.

из его центральных идей являлось изучение необходимых общественных отношений, складывающихся вне зависимости от воли и желания людей»; «Под базовыми институтами понимаются глубинные, исторически устойчивые и постоянно воспроизводящиеся социальные отношения» [Кирдина, 2014. С. 51, 56]. Базовыми институтами у Кирдиной-Чэндлер являются не *опривыченные правила*, которые при массовой коллективной смене привычек могут меняться, в том числе в перспективе и радикально, а некоторые застывшие, неизменные *сущности-структуры*, которые приговаривают все общество к институциональной неизменности, а большинство его членов к терпению неудобного им социального порядка. Причем подразумевается, что терпеть это нужно во имя «выживания русского общества», а использование такого оборота неизбежно вполне может произвести сильный идеологический эффект.

Экономисты, воспитанные на марксистской политической экономии, обычно мне возражают, что «хозяйственная жизнь – это не только правила, верования, тексты и т.п., но и воспроизводственный процесс в единстве всех его фаз, в рамках которого возникают отношения между людьми, но и одновременно происходит воспроизводственное движение продукта»⁴. В этом же духе сформулировано в аннотации статьи следующее замечание С.Г. Кирдиной-Чэндлер: «Основным недостатком анализа денег при разных социальных порядках является отрыв от роли денег в воспроизводственном процессе» [Кирдина-Чэндлер, 2019а. С. 32]. Коммонс в своих взглядах на деньги, опираясь, в частности, на идеи Генри Маклеода [Macleod, 1855; Macleod, 1866; Маклеод, 1865], которого он назвал инициатором (*originator*) институциональной экономики [Commons, 1990. P. 399], определил деньги следующим образом: «[Д]еньги в их современном значении – это социальный институт фиксации долгов, их обращаемости и освобождения от них, долгов, возникающих в рамках транзакций ... [С]войство денег быть средством обмена является вторичным, первичным же является их свойство служить средством создания, передачи и погашения долгов. Но если, [деньги рассматривать] как социальный институт, то каждая транзакция по предоставлению займа создает новые деньги ..., а если так, то при определении денег нужно отказаться от статичной идеи количества и перейти к динамичной идее процесса. Процесс этот представляет собой миллионы транзакций, участниками которых являются банкиры» [Ibid., P. 399].

С.Г. Кирдина-Чэндлер пишет, что «также, как и Хубер, Ефимов поддерживает так называемую государственную теорию происхождения денег, относящую деньги «к общественной сфере и прерогативе правителей» [Кирдина-Чэндлер, 2019а. С. 38]. Да действительно, я использую в своей статье понятие «платежного сообщества», введенное представителем немецкой исторической экономической школы Георгом Кнаппом, автором государственной теории денег [Knapp, 1924]. Однако в моей статье я следую не столько государственной, сколько долговой теории денег, прекрасное изложение сути которой Дж. Коммонсом я привел выше⁵. Процесс, о котором пишет Коммонс, может быть также проинтерпретирован, как процесс записей и перезаписей долгов всего платежного сообщества, использующего одну и ту же валюту, членам этого сообщества в некой большой «бухгалтерской книге». Именно такому пониманию денег Дж. Коммонс придавал особое значение в своей институциональной экономике. Вот, что он пишет по этому поводу в своей автобиографии: «После многих лет работы над моей институциональной экономикой, я сделал Обязательство и Долг, а не Свободу и Любовь, основами институциональной экономики⁶» [Commons, 1964. P. 52].

⁴ Из письма зав. кафедрой экономической теории Экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета В.Т. Рязанова от 31 августа 2015 г.

⁵ См. также [Ефимов, 2017].

⁶ “Eventually, after many years, in working out my institutional economics, I made Duty and Debt, instead of Liberty and Love, the foundations of institutional economics”.

Также в полном соответствии с привычками советского обществоведа С.Г. Кирдина-Чэндлер разделяет веру в дихотомию материализм-идеализм, рассматривая при этом материализм как верное, а идеализм как ложное мировоззрение. Обозначив авторов концепции «социального конструктивизма» П. Бергера и Т. Лукмана и такого основанного на прагматистской философии направления в социологии, как символический интеракционизм Г. Блумера, как «придерживающихся субъективистского подхода», то есть основывающихся на ложном мировоззрении, С.Г. Кирдина-Чэндлер явно не уделила достаточно времени для изучения их трудов. Идеи прагматистской философии Дж. Дьюи великолепно дополняются идеями концепции социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, из которой можно много почерпнуть для понимания предмета исходной институциональной экономики Дж. Коммонса. Правило действия, соответствующее определенному верованию-убеждению, для того, чтобы действительно стать привычкой, должно повториться много раз, т.е. подвергнуться опривычиванию (*habitalization*) [Бергер и Лукман, 1995. С. 90]. Именно благодаря опривычиванию становится необязательным определять каждую встречающуюся ситуацию заново. Смыслы (*meanings*), которые человек придает своей деятельности, позволяют идентифицировать принадлежность ситуации к тому или иному классу, а следовательно и правило действия в этой ситуации [Там же. С. 91]. Г. Блумер резко выступал против того подхода в социальных науках, который и использует С.Г. Кирдина-Чэндлер: «Вместо того, чтобы идти в эмпирический социальный мир в первой и в последней инстанции, прибегают к априорным теоретическим схемам, множествам универсальных концепций и канонизированным правилам исследовательской процедуры. Именно они становятся посредниками во взаимоотношениях с эмпирическим социальным миром заставляя исследование служить их статусу и подчиняя эмпирический мир их предпосылкам» [Blumer, 1998. P. 33].

Автор X-Y-теории явно не осознает, утверждая, что «в конечном счете действия социальных субъектов ограничиваются, определяются <...> законами, которые они не в состоянии отменить ни в ходе реформ, ни в ходе революций» [Кирдина, 2014. С. 44], она следует теологической традиции Дж. Локка [Ефимов, 2018а. С. 11, 12], нацеленной на легитимацию существующего социального порядка. С.Г. Кирдина-Чэндлер указывает, что «наиболее известными теориями и направлениями в рамках объективистского подхода являются исторический материализм и теория способов производства К. Маркса, функционализм Э. Дюркгейма, структурный функционализм Т. Парсонса» [Кирдина, 2014. С. 44].

Читая тексты С.Г. Кирдиной-Чэндлер, становится совершенно очевидным, что Светлана Георгиевна просто пронизана идеями, которые она почерпнула из советских учебников по историческому материализму. Вот отрывок из учебника Высшей партийной школы при ЦК КПСС: «К. Маркс и Ф. Энгельс показали полную несостоятельность идеалистических воззрений на общество, которые ранее господствовали в социологии. Они научно показали, что главной и определяющей стороной общественной жизни является не идеальный, а материальный фактор, и прежде всего производство жизненных благ. Материальное производство, согласно учению исторического материализма, составляет основу и решающую силу общественного развития, определяющую в конечном счете все другие стороны общественной жизни. Сознание людей не только не является первичным по отношению к материальной жизни общества, но, наоборот, зависит от нее, определяется ею» [Амвросов, 1969. С. 4–5].

Дюркгейм определял социологию «как науку об институтах, их генезисе и функционировании», а институт – как «все верования, все поведения, установленные группой» [Дюркгейм, 1995. С. 20]. Дюркгейм близко подошел к пониманию института как опривыченных правил: «Вне индивидуальных действий, ими возбуждаемых, коллективные привычки (выделено мною. – В.Е.) выражаются в определенных формах, юридических и нрав-

ственных правилах, народных поговорках, фактах социальной структуры и т. д. Так как эти формы устойчивы и меняются в зависимости от того, как их применяют, то они составляют устойчивый объект, постоянную меру, *всегда доступную наблюдателю* (выделено мною. – В.Е.) и не оставляющую места для субъективных впечатлений и чисто личных представлений» [Там же. С. 67]. У Кирдиной-Чэндлер же институты – это «скрытые от прямого наблюдения условия <...> поведения» [Кирдина, 2014. С. 353]. Именно это и является центральным пунктом ее методологии, которую она назвала методологическим институционализмом⁷. Функционализм Дюркгейма также связан с понятием привычки: «Институты не устанавливаются декретами, они – следствие социальной жизни и лишь выражают ее вовне внешними символами. Структура – это утвердившаяся функция, это действие, которое выкристаллизовалось и стало *привычкой* (выделено мною. В.Е.)» [Дюркгейм, 1995. С. 193]. Недавние исследования показывают, что социология Дюркгейма была достаточно близка философии Дьюи [Deledalle, 2002; Point, 2017].

С.Г. Кирдина-Чэндлер признается, что «в разработке понятия институциональной матрицы продолжаются <...> традиции марксистского и структуралистского подхода», который «склонен объяснять природу любого данного институционального порядка, и особенно его динамику, отправляясь от принципов «глубинной» или скрытой структуры» [Эйзенштадт, 1999, с. 64]» [Кирдина, 2014. С. 68]. Именно постулирование этих «глубинности» и «скрытости», заимствованных у структурного функционализма Парсонса, в «методологическом институционализме» С.Г. Кирдиной-Чэндлер оправдывает ее формалистский метод: от аксиом-предпосылок, а не от фактов, к формальным конструкциям и выводом, на чем настаивал, рассматривая метод политической экономии, Дж.С. Милль [Милль, 2012]. В этом смысле и Кирдина-Чэндлер, и Парсонс используют подход, идентичный экономическому неоклассическому мейнстриму⁸. Его архитектор Альфред Маршалл сохранил в целостности традиционный для британской политической экономии абстрактно-априорный подход, четко сформулированный Дж. С. Миллем. «С другой стороны, интегрируя маржиналистскую революцию в свой экономикс, Маршалл сузил предмет экономической дисциплины, устранив из нее такие беспокоящие (*troublesome*) вопросы, как распределение доходов и богатства, структура власти и социальная справедливость» [Coats, 1993. P. 396]. С.Г. Кирдина-Чэндлер, по-видимому, не обратила внимание на критику Ш. Эйзенштадтом по этому поводу структурно-функционального подхода: «Главная слабость структурно-функционального подхода – это бросающееся в глаза пренебрежение значением, которое имеют особенно власти и характер конфликтов (из них наиболее серьезны конфликты из-за власти) в функционировании социальных систем, а также общим соотношением между подобными конфликтами и социальными изменениями. Равным образом представляется, что этот подход игнорирует естественную тенденцию любой социальной системы порождать внутренние противоречия заодно с изучением отношения этих противоречий к конфликтам вокруг власти. В результате структур-функционалисты не всегда подвергали систематическому анализу отношение между конфликтами вокруг власти и внутренними противоречиями, с одной стороны, и созданием новых уровней ресурсов, благодаря которым могли происходить системные изменения, – с другой» [Эйзенштадт, 1999. С. 66–67].

⁷ «Принцип методологического институционализма обращает наше внимание не на то, что, возможно, проще увидеть (действия экономических агентов), а на скрытые от прямого наблюдения условия этого поведения – институты» [Кирдина, 2014. С. 353].

⁸ С.Г. Кирдина-Чэндлер совсем не брезгает интегрировать в свою X-Y-теорию такие понятия экономического мейнстрима, как трансакционные издержки Рональда Коуза и X-эффективность Харви Лейбенштейна. По поводу последнего она пишет следующее: «Труды Х. Лейбенштейна, обнаружившего явление так называемой X-эффективности, прозвучали «заключительным аккордом» в понимании структуры экономических институтов в разных типах обществ» [Кирдина, 2014. С. 38].

Американский историк экономической мысли Р. Хайлбронер критикует экономический мейнстрим похожим образом, а именно, что он в своей идеологической функции вуалирует тот факт, что «система цен есть также система власти» и подменяет рассмотрение «конкретного социального порядка, который мы называем капитализмом», «совокупностью индивидов» [Heilbroner, 1988. P. 7–8].

Начав свою карьеру как экономист, Талкотт Парсонс, основатель структурно-функционального подхода, сыграл роковую роль как для экономической науки, так и для социологии. Вместо того, чтобы бороться с экономической неоклассикой и предложить экономической науке свою альтернативу, он много сделал, чтобы провести «демаркационную линию» между экономической наукой и социологией. Центральными фигурами его книги «Структура социального действия» [Парсонс, 2000. С. 43–328] были Вебер и Дюркгейм. В ней он развивал структурно-функциональный подход к анализу общества, который в течение определенного времени был очень влиятельным в социологии. Одной из черт его социологии было «пренебрежение проблемой исторической специфики, несмотря на прямое влияние на Парсонса Вебера и Вернера Зомбарта. Тем самым некоторые элементы традиции немецкой исторической школы были переведены в американский контекст. Но из них была выхолощена большая часть их содержания и смысла. По иронии судьбы, Парсонс достиг известности, создав аисторическую школу в социологии, частично путем вылавливания (*rummaging*) избранных кусков из исторически ориентированной интеллектуальной традиции» [Hodgson, 2001. P. 178].

2. О критике С.Г. Кирдиной-Чэндлер моей статьи «О двух типах социальных порядков»

Критика С.Г. Кирдиной-Чэндлер моей статьи резюмируется в аннотации следующим образом: «классификация социальных порядков Ефимова построена на неочевидных основаниях и не является, вопреки утверждению автора, институционалистской концепцией» [Кирдина-Чэндлер, 2019а. С. 32]. Очень кратко на эту критику я могу ответить так: в моей статье нет никакой классификации социальных порядков, а когда я пишу, что «анализ существующего в настоящее время в России социального порядка в статье построен на основе методологии исходного (*original*) институционализма», то прямо указываю на Коммонса, а не на Веблена, с которым Светлана Георгиевна и связывает это направление экономической мысли. По мнению американского историка экономической мысли Ф. Майровского, Веблен был в плену «наивной концепции науки» [Майровски, 2013b. С. 78].

Светлана Георгиевна пишет, что «дополнительным стимулом для написания статьи послужила дискуссия на семинаре Лаборатории экономико-социологических исследований в НИУ-ВШЭ (рук. В.В. Радаев)⁹ 21 мая 2019 г., где Ефимов лично представил свою концепцию о монетарном и патрональном социальных порядках» [Кирдина-Чэндлер, 2019а. С. 33]. Хотя в названии моей статьи присутствует слово «типы», но мои «типы» – это не дихотомия, не результат классификации социальных порядков по какому-то признаку, а совершенно почти автономные характеристики их важнейших признаков и их эволю-

⁹ Видеозапись этого моего выступления можно посмотреть здесь: vk.com/yefimov2019?w=wall515956126_165; vk.com/yefimov2019?w=wall515956126_164; vk.com/yefimov2019?w=wall515956126_163; vk.com/yefimov2019?w=wall515956126_159.

К сожалению, дискуссии, о которой пишет С.Г. Кирдина-Чэндлер, не получилось, так как на высказанные замечания, в том числе замечания Светланы Георгиевны, я не имел возможности ответить из-за исчерпания времени, выделенного на семинар. С презентацией, которую я использовал во время доклада, можно познакомиться здесь: yadi.sk/i/iq9s0u5aKAKaQg.

ционного развития. Тщетно ища признак классификации в моей статье¹⁰, С.Г. Кирдина-Чэндлер сама сформулировала его так: «Говоря о различиях монетарного и патронального социальных порядков, Ефимов основную разницу видит в том, «что движение экономических ресурсов при патрональном социальном порядке определяется далеко не только теми, у кого есть деньги, но также и теми, кто обладает определенным административным ресурсом, сила которого возрастает по мере движения вверх по вертикали власти и приближенности к главе государства» [Ефимов, 2019. С. 19]. Другими словами, различия этих двух социальных порядков в том, какие социальные группы управляют деньгами в обществе – финансовые и промышленные капиталисты, как при монетарном порядке, или патроны – главы организованных в вертикальные сети социальных ячеек, – при патрональном порядке» [Кирдина-Чэндлер, 2019. С. 36]. Такая формулировка несуществующего признака классификации происходит также от неверного восприятия текста моей статьи (Часть 2, разделенная на 2.1. и 2.2) посвященного патрональному социальному порядку. Не найдя в моей статье определения этого порядка (формулирование кратких определений вовсе не требуется в рамках институционалистской методологии Дж. Коммонса), Светлана Георгиевна попыталась сама сформулировать это определение опираясь на отдельные предложения моего текста, подразумевая, что в каждом из разделов текста сформулирован какой-то универсальный признак, характеризующий рассматриваемый порядок: «А что такое патрональный порядок? Его определения ни в одной из частей анализируемой статьи Ефимова обнаружить не удалось. Он просто констатирует, что такой порядок действует в России, и затем приводит свою версию истории нашей страны, которая, как он полагает, должна раскрыть нам сущность такого порядка» [Там же]. *На самом деле в данной статье понятие патронального социального порядка я применяю только к постсоветской России, все же предыдущие периоды в моей статье я рассматриваю как путь к нему. Некоторые характеристики этих предыдущих периодов сохраняются, а другие исчезают. Так ячейчатая природа российского общества практически полностью исчезла к моменту прихода к власти В.В. Путина. Поэтому совершенно ложным является следующая интерпретация: «"Продираясь через лес" множества самых разных свидетельств и историй, приводимых автором в тексте, можем увидеть, что патрональный порядок характеризует наличие взаимосвязанного множества социальных ячеек (как правило, организаций), в которые включены все члены общества <...>, главы ячеек автоматически являются патронами для членов ячеек <...>, т.е. «вынуждены играть патерналистскую роль, отвечая на ожидания своих сотрудников по отношению к своим начальникам» <...>, а сами эти ячейки организованы в вертикальные сети, имеющие системообразующий характер; лидер страны (в настоящее время это президент) является патроном этой вертикальной сети» [Там же].*

Далее Светлана Георгиевна пишет: « Можно предположить, что он, несмотря на отрицание им роли теоретических схем, имел все-таки какие-то фильтры, которые позволили ему отобрать излагаемые им «факты» для иллюстрации этого самого патронального порядка» [Там же]. Здесь С.Г. Кирдина-Чэндлер следует догме, которую мы уже обсуждали выше, что факты «отбираются» в соответствии с теорией. Очень показательно, что Светлана Георгиевна использует термин «иллюстрация», так как в ее методологической парадигме «факты» фактически играют роль только иллюстрации априорных теоретических положений. Убеждение, по-видимому, разделяемое С.Г. Кирдиной-Чэндлер, что практически под любую теорию можно подобрать иллюстрирующие ее факты, свидетельствует

¹⁰ Не желая проводить огульные обобщения разделяя два рассматриваемых порядка на универсальные классы по определенному признаку, я, тем не менее, помог читателю увидеть разницу между монетарным социальным порядком и патрональным социальным порядком, сказав, что эту разницу можно пояснить с помощью двух гипотез относительно судеб двух высокопоставленных государственных чиновников, а именно бывшего министра экономического развития России Алексея Улюкаева и действующего премьер-министра Франции Эдуарда Филиппа [Ефимов, 2019. С. 18–19].

о радикальном релятивизме сторонников этого положения и отрицании возможности выявления на базе изучаемых фактов четких социальных закономерностей (не путать с идущим от Дж. Локка понятием «законов»).

Я действительно в своей статье использую несколько существующих понятий и теорий. Это, прежде всего, кредитная (долговая) теория денег и понятия социальных сетей и патрон-клиентских отношений. Однако *они служат у меня не для отбора фактов, а для их интерпретации и объяснения*. Дж. Дьюи считал, что, будучи сформулированными и принятыми, понятия абсорбируют и в сжатой форме отражают предшествующий опыт, который вызвал появление этих понятий. Начиная проводить новое исследование-расследование, мы неизбежно отталкиваемся от имеющегося у нас опыта, который был зафиксирован в понятиях и связанном с ними понимании определенного объекта и/или явления, в частности, в понимании, принимающем форму теорий. Тем самым эти понятия и теории могут рассматриваться как инструменты познавательного процесса. Антрополог Клиффорд Гирц ввел понятие «насыщенного описания» (*thick description*) [Гирц, 2004], которое содержит как собранные данные, так и их анализ, так что сформированный таким образом текст дает понимание изучаемого объекта и аутсайдеру. Важно отметить, что восприимчивость читателя к определенным тестам может существенно зависеть от его методологических позиций. Члены современного сообщества экономистов, да и некоторых социологов и политологов, вряд ли легко воспримут оформление понимания изучаемого явления в виде «насыщенного описания» а-ля Клиффорд Гирц. Именно так я и оформил свою статью «О двух типах социальных порядков».

После всего выше сказанного я предлагаю читателю самому оценить следующий пассаж из статьи С.Г. Кирдиной-Чэндлер: « Но как, отказавшись от использования теоретических и методологических аналитических схем, преодолеть субъективизм и человеческие пристрастия при получении научного знания? Как отделить сведения и свидетельства от фактов? И разве можно исследователю, даже самому выдающемуся, «объять необъятное», не пропустив ни одного имеющегося в природе документа по поводу описываемых им событий? *Разве просто перечисление сведений о чем-либо и есть научное знание, которым Ефимов таким образом делится со своими читателями, являя нам это знание напрямую и непосредственно (как это иногда делает, Господь Бог)?* (выделено мною. – В.Е.). Но если в результате нам лишь предлагается ознакомиться с набором добытых автором документальных свидетельств (а многие из них действительно малоизвестные и интересные, поэтому чтение статей Ефимова – порой захватывающее занятие!), *при чем тут оригинальный институционализм* (выделено мною. – В.Е.) с его церемониальными и инструментальными институтами, *trained capacity*, корыстным интересом, демонстративным потреблением и прочими теоретическими новеллами? *Как Ефимов опирается на методологию оригинального институционализма, о чем заявил в первой из трех опубликованных в нашем журнале статей по рассматриваемой проблеме?* (выделено мною. – В.Е.). Поэтому, на наш взгляд, Ефимова вряд ли можно считать приверженцем институционального подхода. Анализ кейсов (как можно было бы определить стиль работы Ефимова) – распространенный метод институционального анализа. Однако изложение кейсов обычно следует логике предъявляемой исследователем теоретико-аналитической схемы, от чего Ефимов отказывается в своей работе. Поэтому, несмотря на утверждение Ефимова о том, что он разделяет (и реализует) институциональный поход Норта, Уоллиса и Вайнгаста к анализу социальных порядков¹¹, это не представляется очевидным» [Кирдина-Чэндлер, 2019а. С. 34–35].

¹¹ Интересно, где в моей статье Светлана Георгиевна обнаружила мое утверждение, что я разделяю (и реализую) институциональный поход Норта, Уоллиса и Вайнгаста к анализу социальных порядков?

3. Д. Норт, С.Г. Кирдина-Чэндлер и «самоопределение российского общества»¹²

Скажу честно, что мне и в кошмарном сне не могло присниться, что я разделяю (и реализую) институциональный подход Норта, Уоллиса и Вайнгаста к анализу социальных порядков, подход, продолжающий традицию, берущую свое начало в британских университетах, где центральным предметом была теология [Ефимов, 2014; 2016]. В своей книге С.Г. Кирдина-Чэндлер пишет: «Пониманию общества как институциональной структуры я обязана взглядам Э. Дюркгейма, но в наибольшей степени – Д. Норта. Его работа «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» продолжает оставаться моей “настойной книгой” многие годы. Именно в ней я впервые прочла об “институциональных матрицах”» [Кирдина, 2014. С. 38]. На меня книга Д. Норта [North, 1990] также произвела в свое время большое впечатление, и я решил встретиться с ее автором, что я и осуществил в 1992 г. Во время этой встречи я рассказывал ему, его сотрудникам и студентам о своем эксперименте в Переславском районе Ярославской области по институциональным изменениям в российском сельском хозяйстве¹³. Позже я понял, почему то, что я рассказывал, было всем им неинтересно. Вот, что писал Норт несколькими годами позже: «В нашей области налицо недостаток эмпирической работы. <... > Когда Ли Элстон, Трайн Эггертсон и я работали над книгой¹⁴, в которой хотели собрать эмпирические исследования в рамках новой институциональной экономической теории, у нас были большие трудности в том, чтобы найти достаточное число таких исследований. Все потому, что их просто было мало. Нам нужно значительно больше подкреплять эмпирической работой то, что мы пытаемся делать, работой, которая дает ключ к пониманию того, насколько хорошей является теория и что в ней нужно усовершенствовать» [North, 2000. P. 8–9]. Таким образом, как самого Норта, так и его окружение, эмпирические исследования, если и интересовали, то только для того, чтобы проверить теорию, а не для получения новых знаний.

На самом деле книга «Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки интерпретации письменной истории» Д.Норта, Дж.Уоллиса и Б. Вайнгаста [Норт, Уоллиса и Вайнгаст, 2011] и книга С.Г. Кирдиной-Чэндлер «Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию» [Кирдина, 2014], возможно независимо от желания авторов, выполняют одинаковую функцию, а именно идеологическую легитимацию социальных порядков своих стран. С.Г. Кирдина-Чэндлер совершенно правильно указывает на «идеологическую предвзятость» теоретических построений Д.Норта, Дж.Уоллиса и Б. Вайнгаста, но не замечает таковых в своей теории. Дело в том, что существующий в России социальный порядок есть уродливая помесь элементов монетарного социального порядка с авторитарным политическим режимом. Я назвал этот порядок патрональным [Ефимов, 2018b; Ефимов, 2019], так как он основан на патрон-клиентских отношениях, где начальники (патроны) имеют в услужении тех (клиентов), кому они оказывают поддержку. Негативные последствия такого социального порядка россияне ощущают все в большей и большей степени. Российское общество должно осознать это и искать путей для своего развития как вне монетарного социального порядка, так и вне патронального.

С.Г. Кирдина-Чэндлер кратко поясняет свою теорию следующим образом: «X-матрица (в ней объединяются институты редистрибутивной экономики, унитарно-централизованного политического порядка и коммунитарной идеологии) доминирует в России, Китае,

¹² Выражение «самоопределение российского общества» заимствовано мной из названия статьи [Кирдина-Чэндлер, 2019b. С. 17]. Этому выражению я бы предпочел вопрос: «Кто мы и кем бы мы хотели стать?».

¹³ Этот эксперимент положил начало моим исследованиям русской аграрной институциональной системы [Ефимов, 2003; Ефимов, 2009; 2010].

¹⁴ Речь идет о книге [Alston, Eggertsson, North, 1996].

Корею, Японии, Индии и большинству стран Азии и Латинской Америки. Y-матрица с присущими ей институтами рыночной экономики, федеративной политической структурой и индивидуалистской идеологией преобладают в странах Европы и ее географических расширениях: США, Канаде, Австралии. При доминировании одной из матриц альтернативная матрица имеет комплементарный, дополняющий характер. [Кирдина-Чэндлер, 2019b. С. 16]. Патрон-клиентские отношения существуют во всех выше названных странах [Патрон-клиентские отношения в истории и современности, 2016; Eisenstadt and Roniger, 1984], однако в постсоветской России они стали преобладающими [Афанасьев, 2000]. Вопрос состоит в том, хочет ли российское общество «самоопределиваться» как патрон-клиентское общество? Ответ на этот вопрос не может быть сведен к определению «в каких отраслях и в каком соотношении действуют госкорпорации и частные фирмы; как и в какой пропорции сочетаются федеративные начала и централизация, выборность и назначения; в какой мере поддерживаются в чем-то альтернативные ценности свободы и порядка; что оказывается предпочтительным в конкретных ситуациях: конкуренция или кооперация» [Кирдина-Чэндлер, 2019b. С. 17].

Сейчас в России, несмотря на конституционный запрет (ст. 13 Конституции РФ), по существу, действуют две государственные идеологии. Одна из них, а именно неоллиберализм, прививается в значительной мере через экономическое образование будущей хозяйственной и государственной элиты. А другая из них, которую В.В. Путин обозначил как «патриотизм», активно пропагандируется через средства массовой информации и ориентирована прежде всего на неэлитарный сегмент российского населения. Эта идеология излагается в публикациях декана факультета государственного управления МГУ В.А. Никонова, который одновременно является председателем Комитета Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации по образованию и науке, а также членом Президиума Генерального совета партии «Единая Россия». Вот, что он пишет в своей статье, озаглавленной «Российская матрица»: «Необходимость обеспечивать выживание и обороноспособность большой территории, находящейся в сложном геополитическом окружении, предполагала мобилизацию и перераспределение ресурсов от исключительно бедного и весьма немногочисленного населения. Это, в первую очередь, привело к высокой степени централизации власти. Таким образом, доминировавший на протяжении большей части российской истории тип государственности был продиктован поиском оптимальной организации управления и выживания в крайне сложных климатических и географических условиях, опасном геополитическом окружении при исключительно слабых материальных основах общества и бедности населения»¹⁵ [Никонов, 2015. С. 12]. Историк-политолог В.А. Никонов и экономист-социолог С.Г. Кирдина-Чэндлер пропагандируют одну и ту же консервативную идею о невозможности отхода российского общества от «российской матрицы», апеллируя к эмоционально-чувственному компоненту значения слова «выживание».

В.А. Никонов более откровенен, чем С.Г. Кирдина-Чэндлер в характеристике этой «матрицы»: «Особое значение в государственной системе имели органы политического сыска – тайной полиции, выступающей инструментом контроля верховной власти над элитой и населением – опричнина в эпоху Ивана Грозного, Тайный приказ в царствование Алексея Михайловича, фискалат и прокуратура в период Петра I, Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии, Департамент полиции и охранные отделения в XIX – начале XX века, органы ОГПУ-НКВД-КГБ в советское время. “Силловые структуры сами становились объектом борьбы между верховной властью и правящим слоем; перевес той или иной стороны во внутриэлитном противостоянии определялся, как правило, контролем над репрессивным аппаратом” [Гаман-Голутвина, 2006. С. 418–419]» [Никонов, 2015. С. 15]. Во второй части моей статьи, опираясь на работу О.В. Крыштановской [Крыштановская, 2004], я показываю как, вступив впервые в долж-

¹⁵ Эти же идеи развиваются В.А. Никоновым в его одноименной со статьей книге [Никонов, 2014].

ность президента страны, В.В. Путин создал свою вертикаль власти, опираясь на сеть чекистов (действующих и отставных сотрудников ФСБ), которая стала в определенном смысле системообразующей.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать заключение, что книга «Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки интерпретации письменной истории» Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста [Норт, Уоллиса и Вайнгаст, 2011], на базе понятий открытого и ограниченного доступа, дает видение социальных порядков, сложившихся на Западе и в России в пользу Запада. В книге «Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию» [Кирдина, 2014] С.Г. Кирдина-Чэндлер соглашается с традиционным для экономического мейнстрима видением западного социального порядка как рыночной экономики. Я же характеризую его как такой социальный порядок, где основным источником власти являются деньги. Что касается России, то отталкиваясь от понятия институтов редистрибутивной экономики, С.Г. Кирдина-Чэндлер, по существу, дает идеологическое оправдание существующего сейчас в России социального порядка. Я же в своей статье «О двух типах социальных порядков» [Ефимов, 2018а, 2018b, 2019] даю совершенно другое видение социальных порядков, сложившихся на Западе и в России, основываясь на историко-конструктивистском анализе их институционального генезиса. Современные социальные порядки на Западе и в России обладают глубокими пороками и требуют радикальных институциональных изменений.

ЛИТЕРАТУРА

- Амвросов А.А. и др. (1969). Марксистско-ленинская философия. Исторический материализм. М.: Мысль.
- Афанасьев М.Н. (2000). Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. М.: МОНФ.
- Бергер П., Лукман Т. (1995). Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум.
- Гаман-Голутвина О. (2006). Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН.
- Дюркгейм Э. (1995). Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон.
- Ефимов В. М. (2007). Предмет и метод интерпретативной институциональной экономики // Вопросы экономики. № 8. С. 49–67.
- Ефимов В. М. (2009). Эволюционный анализ русской аграрной институциональной системы // Мир России. № 1. С. 74–116.
- Ефимов В. М. (2010). Русская аграрная институциональная система (историко-конструктивистский анализ) // Вопросы регулирования экономики. № 3. С. 8–91.
- Ефимов В. М. (2014). Как капитализм, университет и математика сформировали магистральное направление экономической дисциплины // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Т. 14. Вып. 2. С. 5–51.
- Ефимов В.М. (2016а). Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики. М.: Курс: ИНФРА-М.
- Ефимов В.М. (2016b). Прошлое и будущее экономической науки с точки зрения прагматистской философии // Журнал экономической теории. № 3. С. 50–63.
- Ефимов В.М. (2017). Конец алхимии финансов и суверенные деньги (О книгах М. Кинга «Конец алхимии: деньги, банковское дело и будущее глобальной экономики» и Й. Хубера «Суверенные деньги. За пределами банковского резервирования») // Вопросы экономики. № 12. С. 131–141.
- Ефимов В.М. (2018а). О двух типах социальных порядков. Часть 1 // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 7–25.
- Ефимов В.М. (2018b). О двух типах социальных порядков. Часть 2-1 // Вопросы теоретической экономики. № 2. С. 28–46.
- Ефимов В.М. (2019). О двух типах социальных порядков. Часть 2-2 // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 7–23.
- Ефимов В.М. (2020). О политическом завещании Сталина // Вопросы регулирования экономики. № 1. С. 6–35.
- Катасонов В. (2014). Экономика Сталина. М.: Институт русской цивилизации.
- Кирдина С.Г. (2014). Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. Изд. 3-е. М., СПб.: Нестор-История.

- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2019а). О деньгах и социальных порядках (размышления над статьей В.М. Ефимова) // Вопросы теоретической экономики, № 2. С. 7–25.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2019б). К самоопределению российского общества: в поисках системы координат // Мир России. Т. 28. № 2. С. 6–24.
- Ключевский В.О. (1987). Сочинения: В 9 т. Т. I. М.: Мысль.
- Ключевский В.О. (1988). Сочинения: В 9 т. Т. III. М.: Мысль.
- Крыштановская О. (2005). Анатомия российской элиты. М.: Захаров.
- Майровски Ф. (2013а). Философские основания институционалистской экономики Ч. 1 // Terra Economicus. Т. 11. № 2. С. 82–93.
- Майровски Ф. (2013б). Философские основания институционалистской экономики Ч. 2 // Terra Economicus. Т. 11. № 3. С. 72–88.
- Маклеод Г.Д. (1865). Основания политической экономии. С.Пб.: Издание Николая Тиблена.
- Милль Дж.С. (2012). Об определении предмета политической экономии и о методе исследования, свойственной ей // Философия экономики. Антология под ред. Д. Хаусмана. М.: Издательство Института Гайдара. С. 55–76.
- Никонов В.А. (2014). Российская матрица. М.: Русское слово.
- Никонов В.А. (2015). Российская матрица // Современная Европа. №2 (62). С. 9–19.
- Норт Д., Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара.
- Парсонс Т. (2000). О структуре социального действия. М.: Академический проект.
- Патрон-клиентские отношения в истории и современности: Хрестоматия. (2016). М.: РОССПЭН.
- Пирс Ч.С. (2000). Избранные произведения. М.: Логос.
- Резерфорд М. (2012а). Висконсинский институционализм: Джон Р. Коммонс и его студенты // Terra Economicus. 2012. Т. 10. № 2. С. 32–53.
- Резерфорд М. (2012б). Полевые, тайные и включенные наблюдатели в американской экономике труда: 1900–1930 годы // Terra Economicus. 2012. Т. 10. № 4. С. 91–106.
- Фридмен М. (1994). Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. №4. С. 20–52.
- Эйзенштадт Ш. (1999). Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс.
- Alston L.J., Eggertsson T., North D.C. (1996). Empirical Studies in Institutional Change. Cambridge: Cambridge University Press.
- Blumer H. (1998). Symbolic Interactionism. Perspective and Method. Englewood cliffs. New Jersey: Prentice-Hall.
- Bush P.D. (1993). The Methodology of Institutional Economics: A Pragmatic Instrumentalist Perspective // Tool M.R. (ed.). Institutional Economics: Theory, Method, Policy. Boston; Dordrecht; London: Kluwer Academic Publishers. Pp. 59–118.
- Coats A.W. (1993). The Sociology and Professionalization of Economics. British and American Economic Essays. Vol. 2. London; New York: Routledge.
- Commons J.R. (1964). Myself. The Autobiography of John R. Commons. Madison: The University of Wisconsin Press.
- Commons J.R. (1990). Institutional Economics. Its Place in Political Economy. New Brunswick: Transaction Publishers.
- Deledalle G. (2002). French Sociology and American Pragmatism: The Sociology of Durkheim and the Pragmatism of John Dewey // Transactions of the Charles S. Peirce Society Vol. 38, No. 1/2, Essays in Honor of Richard S. Robin. Pp. 7–11.
- Dewey J. (1973). Lectures in China, 1919–1920. Honolulu: The University Press of Hawaii.
- Eisenstadt S.N. and L. Roniger (1984). Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society. Cambridge: Cambridge University Press.
- Heilbroner R. (1988). Behind the Veil of Economics: Essays in the Worldly Philosophy. New York; London: W.W. Norton & Co.
- Hodgson G.M. (2001). How Economics Forgot History. London; New York: Routledge.
- Knapp G.F. (1924). The State Theory of Money. London: Macmillan and Company Limited.
- Macleod H.D. (1855). The Theory and Practice of Banking. Vol. 1. London: Longman, Brown, Green, and Longmans.
- Macleod H.D. (1866). The Theory and Practice of Banking. Vol. 2. London: Longmans.
- Mini P. (1994). Cartesianism in Economics // Hodgson G.M., Samuels W.J. (eds). The Elgar Companion to Institutional and Evolutionary Economics. Vol. 1. Aldershot: Edward Elgar. Pp. 38–42.
- North D.C. (1990). Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press.
- North D.C. (2000). Understanding Institutions // Ménard C. (ed.). Institutions, Contracts and Organizations. Perspectives from New Institutional Economics. Cheltenham: Edward Elgar. P. 7–10.
- Point C. (2017). Étude comparative du concept d'institution dans l'œuvre de John Dewey et d'Émile Durkheim // Revue Ithaque, No. 21. Pp. 137–162 (in French).
- Yefimov V. (2003). Economie institutionnelle des transformations agraires en Russie. Paris: l'Harmattan (in French).

Ефимов Владимир Максович

vladimir-yefimov @yandex.ru

Vladimir M. Yefimov

Doctor of Economics, independent researcher, France

**THREE VISIONS OF SOCIAL ORDERS IN THE WEST AND IN RUSSIA
(The answer to S.G. Kirdina-Chandler)**

Abstract. This article is a response to the reflections of S.G. Kirdina-Chandler published in the last issue of the journal on my article “On two types of social orders” published in three consecutive issues of the journal. Unfortunately, these reflections do not concern the vision of modern social orders in the West and in Russia set out in my article, but are devoted exclusively to criticism of the methodology I use. Despite the fact that the text of the second part of my article begins with a methodological introduction, which briefly describes the methodology of John Commons’ original institutionalism and provides a link to my book, where this methodology is described in detail, this was not enough to understand it and, apparently, to understand the article itself. Methodology of J. Commons is based on a pragmatic philosophy that most Russian social scientists do not know, and perhaps this is partly why it is rejected. In the first section, the book and articles of S.G. Kirdina-Chandler are analyzed. on the subject of criticism of the methodology described and used in them, as well as her vision of the social order in Russia. The second section of the article is a commentary on the criticism of S. G. Kirdina-Chandler of my article. The third section of the article describes the ideological orientation of the X-Y theory by S.G. Kirdina-Chandler.

Key words: *visions of social orders and the institutionalist methodology of J.J. Commons, monetary social order, patronal social order, X-Y theory, the contemporary Russia and ideologies.*

JEL Classification: B40, B52, E0, P0.

REFERENCES

- Afanasiev M.N. (2000). Clientelism and Russian statehood: a Study of client relations, their role in the evolution and decline of past forms of Russian statehood, their influence on political institutions and the activities of ruling groups in modern Russia. M.: MONF. (In Russian).
- Alston L.J., Eggertsson T., North D.C. (1996). Empirical Studies in Institutional Change. Cambridge: Cambridge University Press.
- Amvrosov A.A. and others (1969). Marxist-Leninist philosophy. Historical materialism. M.: Mysl. (In Russian).
- Berger P., Luckmann T. (1991). The Social Construction of Reality. London: Penguin Books.
- Blumer H. (1998). Symbolic Interactionism. Perspective and Method. Englewood cliffs. New Jersey: Prentice-Hall.
- Bush P.D. (1993). The Methodology of Institutional Economics: A Pragmatic Instrumentalist Perspective // Tool M.R. (ed.). Institutional Economics: Theory, Method, Policy. Boston; Dordrecht; London: Kluwer Academic Publishers. Pp. 59–118.
- Coats A.W. (1993). The Sociology and Professionalization of Economics. British and American Economic Essays. Vol. 2. London and New York: Routledge.
- Commons J.R. (1990). Institutional Economics. Its Place in Political Economy. New Brunswick: Transaction Publishers.
- Commons J.R. (1964). Myself. The Autobiography of John R. Commons. Madison: The University of Wisconsin Press.
- Deledalle G. (2002). French Sociology and American Pragmatism: The Sociology of Durkheim and the Pragmatism of John Dewey // *Transactions of the Charles S. Peirce Society* Vol. 38, No. 1/2, Essays in Honor of Richard S. Robin. Pp. 7–11.
- Dewey J. (1973). Lectures in China, 1919–1920. Honolulu: The University Press of Hawaii.
- Durkheim, E. (1995). Sociology. Its subject, method, purpose. M.: Canon. (In Russian).
- Eisenstadt S. (1999). Revolution and transformation of societies. Comparative study of civilizations. Moscow: Aspect Press. (In Russian).
- Eisenstadt S.N. and L. Roniger (1984). Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society. Cambridge: Cambridge Univeresity Press.
- Friedman M. (1994). Methodology of positive economic science // *THESIS*. 1994. No. 4. Pp. 20–52 (In Russian).
- Gaman-Golutvina O. (2006) Political elites of Russia: Milestones of historical evolution. M.: ROSSPEN. (In Russian).
- Heilbroner R. (1988). Behind the Veil of Economics: Essays in the Worldly Philosophy. New York; London: W.W. Norton & Co.
- Hodgson G.M. (2001). How Economics Forgot History. London; New York: Routledge.
- Katasonov V. (2014). Stalin’s Economy. Moscow: Institute of Russian civilization. (In Russian).
- Kirdina S.G. (2014). Institutional matrixes and development of Russia. Introduction to X-Y theory. Ed. 3-d. M.; St. Petersburg: Nestor-History. (In Russian).

- Kirdina-Chandler S.G.* (2019a). About money and social orders (reflections on the article by V.M. Yefimov) // Questions of theoretical economics. No. 2. Pp. 7–25. (In Russian).
- Kirdina-Chandler S.G.* (2019b). Towards self-determination of Russian society: in search of a coordinate system // World of Russia. Vol. 28. No. 2. Pp. 6–24. (In Russian).
- Klyuchevsky, V.O.* (1987). Works: In 9 vol. Vol. I. M.: Mysl. (In Russian).
- Klyuchevsky, V.O.* (1988). Works: In 9 vol. Vol. III. M.: Mysl. (In Russian).
- Knapp G.F.* (1924). The State Theory of Money. London: Macmillan and Company Limited.
- Kryshstanovskaya O.* (2005). Anatomy of the Russian elite. M.: Zakharov. (In Russian).
- Macleod H.D.* (1855). The Theory and Practice of Banking. Vol. 1. London: Longman, Brown, Green, and Longmans.
- Macleod H.D.* (1858). The Elements of Political Economy. London: Longman, Brown, Green, Longmans, and Roberts.
- Macleod H.D.* (1866). The Theory and Practice of Banking. Vol. 2. London: Longmans.
- Mill J.S.* (2012). On the definition of the subject of political economy and the method of research peculiar to it // Philosophy of Economics. Anthology edited By D. Housman. Moscow: Publishing House Of The Gaidar Institute. Pp. 55–76. (In Russian).
- Mini P.* (1994). Cartesianism in Economics // Hodgson G.M., Samuels W. J. (eds). The Elgar Companion to Institutional and Evolutionary Economics. Vol. 1. Aldershot, UK: Edward Elgar. Pp. 38–42.
- Mirowski Ph.* (1987). The Philosophical Bases of Institutional Economics // Journal of Economic Issues. Vol. 21. No. 3. Pp. 1001–1038.
- Nikonov V.A.* (2014). The Russian Matrix. M: Russian word. (In Russian).
- Nikonov V.A.* (2015). Russian Matrix // Modern Europe. No. 2 (62). Pp. 9–19. (In Russian).
- North D.C.* (2000). Understanding Institutions // Ménard C. (ed.). Institutions, Contracts and Organizations. Perspectives from New Institutional Economics. Cheltenham: Edward Elgar. P. 7–10.
- North D.C.* (1990). Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press.
- North, D., Wallis J. and Weingast B.* (2011). Violence and social order. Conceptual framework for the interpretation of written human history. M.: Publishing House of Gaidar Institute (In Russian).
- Parsons T.* (2000). On the Structure of Social Action. Moscow: Academic project. (In Russian).
- Patron-client relations in history and modernity. Reader.* (2016). M.: ROSSPEN. (In Russian).
- Point C.* (2017). Étude comparative du concept d'institution dans l'œuvre de John Dewey et d'Émile Durkheim // Revue Ithaque. No. 21. Pp. 137–162. (In French).
- Rutherford M.* (2012b) Field, secret and participant observers in the American labor economics: 1900-1930 // Terra Economicus. 2012. Vol. 10. No. 4. Pp. 91–106. (In Russian).
- Rutherford, M.* (2012a). Wisconsin institutionalism: John R. Commons and his students // Terra Economicus. Vol. 10. No. 2. Pp. 32–53. (In Russian).
- Yefimov V.M.* (2015). On Pragmatist Institutional Economics // Математичне моделювання в економіці. No. 3. Pp. 27–54.
- Yefimov V.M.* (2016a). Economic science in question: other methodology, history and research practices. M.: KURS: INFRA-M, 2016. (In Russian).
- Yefimov V.M.* (2016b). Past and future of economic science from the point of view of pragmatist philosophy // Journal of economic theory. No. 3. Pp. 50–63.
- Yefimov V.M.* (2017). The end of alchemy of finance and sovereign money (On the books by M. King “The end of alchemy: Money, banking and the future of the global economy” and by J. Huber “Sovereign money. Beyond reserve banking”) // Problems of Economics. No. 12. Pp. 131–141. (In Russian).
- Yefimov V.M.* (2007). Subject and method of interpretive institutional economics // Questions of Economics. No. 8. Pp. 49–67. (In Russian).
- Yefimov V.M.* (2009). Evolutionary analysis of the Russian agrarian institutional system // Mir Rossii. No. 1. Pp. 74–116 (In Russian).
- Yefimov V.M.* (2010). Russian agrarian institutional system (historical and constructivist analysis) // Journal of Economic Regulation. No. 3. P. 8–91 (In Russian).
- Yefimov V.M.* (2014). How Founding Beliefs of Capitalism, University and Mathematics Shaped the Institution of Mainstream Economics // Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch RAS. Vol. 14. No. 2. Pp. 5–51 (In Russian).
- Yefimov V.M.* (2018a). On Two Types of Social Orders. Part 1 // Journal of Theoretical Economics, No. 1. Pp. 7–25. (In Russian).
- Yefimov V.M.* (2018b). On Two Types of Social Orders. Part 2-1 // Journal of Theoretical Economics, 2018, No. 2. Pp. 28–46. (In Russian).
- Yefimov V.M.* (2019). On Two Types of Social Orders. Part 2-2 // Journal of Theoretical Economics, 2019. No. 1. Pp. 7–23. (In Russian).
- Yefimov V.M.* (2020). On political testament of Stalin // Journal of Economic Regulation. No. 1. Pp. 6–35. (In Russian)
- Yefimov V.* (2003). Economie institutionnelle des transformations agraires en Russie. Paris: l'Harmattan. (In French).